



18+

Виктор Вергасов. Органы

Виктор Вергасов

Органы

«Автор»

2026

Вергасов В.

Органы / В. Вергасов — «Автор», 2026

В глухой предрассветный час больничный корпус превращается в анатомический театр для человеческого Эго. Пока медицинская аппаратура методично отмеряет секунды угасающей жизни, за стерильной ширмой врачебных манипуляций разворачивается иной процесс — отторжение фундаментальных органов человеческого духа. Именно на этих скрытых смысловых опорах до последнего удерживаются личная история, иллюзия контроля и все варианты защищающей нас рефлексии. «Органы» препарируют момент распада привычных структур личности, превращая бытовую больничную драму в хирургическое зеркало. Итак, способны ли вы провести хладнокровный аудит собственной психической архитектуры и обнажить истинный каркас своего «Я» — задолго до того, как ровная линия сделает любую запоздалую рефлексию бессмысленной и на вашем экране?

© Вергасов В., 2026

© Автор, 2026

Виктор Вергасов

Органы

Органы

«Вечное молчание этих бесконечных пространств ужасает меня.»

— Блез Паскаль, Мысли

I

Сначала был звук.

Тонкий, настойчивый писк кардиомонитора — ровный, как ход секундной стрелки, не демонстрирующий ни усталости, ни участия. Только одно и то же подтверждение заведомо лицемерного факта: жив. Жив. Жив. Механическое присутствие, которому не нужно ничьё согласие, чтобы существовать.

Рядом мерно дышал аппарат ИВЛ.

Вдох.

Пауза.

Выдох.

Воздух входил в грудную клетку и выходил обратно — ровно, без колебаний, как настроенный механизм. Дыхание шло своим ходом. Согласия того, кто лежал под маской, здесь не спрашивали.

Тело лежало на кровати в реанимации третьего этажа, под люминесцентным светом, который не знал ни утра, ни ночи. Простыня была натянута ровно, а трубка шла от руки к стойке с капельницей — деловито, словно змея, обвивающая посох Асклепия. Рука лежала поверх простыни, левая, чуть повернутая ладонью вверх, пальцы слегка разжаты.

За окном было три часа ночи и мелкий дождь. Час, который не принадлежит ни вчерашнему, ни завтрашнему дню, который существует только для тех, кто не спит, и для тех, кто уже не проснётся.

Сознание, оторванное от тела, не было погружено в мрак — темнота предполагает глаза, которые могли бы видеть свет, а здесь не было даже этого различия, не было инструмента, которым можно было бы зафиксировать отсутствие. Не было «здесь» и «там», «раньше» и «потом», верха и низа, тепла и холода, близкого и далёкого. Всё, что обычно составляет пространство — весь этот молчаливый договор между телом и миром о том, где заканчивается одно и начинается другое, — было отозвано, как будто кто-то убрал систему координат, забыв убрать одну точку.

Лишь она и осталась.

Никаких вопросов этой перспективе не задавали: хочет ли быть здесь, хочет ли оставаться. Само «здесь» не было обозначено. Оставалась лишь тошнота, если бы чрево ещё ощущалось: выворачивать нечему, а состояние не отпускает. Нечему рваться, но от этого и не легче.

Появившиеся на периферии восприятия слова здесь не воспринимались как звук, а будто вскрывались изнутри. Как если бы они давно лежали под странной поверхностью и ждали, пока до них доберутся.

На зыбком краю, где пустота начала густеть, обозначились присутствия. Не силуэты, не тела — нечто иное. Точка чувствовала их как тяжесть выбросившейся на берег китовой туши, из-под которой уже не было возможности выбраться.

Первым пришёл холод, покрытый вуалью.

СМЕРТЬ: Считаешь ли ты себя благом для него?

Голос звучал ровно, напоминая фразу протоколирующего секретаря. Без вопросительной интонации — вопрос был только в словах, но не в самом тоне, если это присутствие можно было бы так назвать.

Сразу вслед вспыхнуло другое — горячее, нетерпеливое. Как огонь, рвущийся из доменной печи.

СВОБОДА: Ты опять пытаешься свести меня к абстракции. Один древний грек уже так делал — придумал идею блага, чтобы не иметь дела с реальным выбором: сидишь в пещере, созерцаешь тени на стене, называешь это истиной, даже если на периферии сознания проносятся сомнения, что не она перед тобой вовсе. Возможно, человек никогда не познает её. Возможно, он уже познал. Но он не может знать, которое из двух верно. И это слепое пятно и есть то, как он устроен. И я начинаюсь именно там, когда он всё-таки поднимается и поворачивается от этой стены.

Холод не изменился.

СМЕРТЬ: Он поворачивается. Кто этот «он»? Тот, кого воспитали поворачиваться, или тот, кого воспитали не поворачиваться, но что-то пошло не так? Ты описываешь жест. Я спрашиваю о его источнике. Когда человек говорит «я выбрал» — говорит ли он правду?

Голос Свободы стал гуще, жёстче, как пламя возрождающегося феникса, готового к первому полёту.

СВОБОДА: Говорит. Но не ту, которую думает, что говорит — на самом деле он говорит о том, как он стоит в этом мире, как встречает то, чего не выбирал. В этом он — настоящий.

Смерть будто чуть наклонила голову. Голоса в её тоне не появилось, но внимание стало плотнее.

СМЕРТЬ: Допустим. Но если это правда — почему он приписывает себе авторство? Каждый раз, когда он думает, что что-то выбрал, ты киваешь из-за его плеча, потакаешь иллюзии, которая ему необходима, как воздух, который сейчас закачивает в него машина.

В Свободе появилась стальная нота, слова летели уже быстро, как удары пламенных крыльев.

СВОБОДА: Я делаю возможным само это приписывание. Без меня он был бы только тем, что в него залили. Я даю ему право утверждаться в самом себе.

Смерть продолжила тем же ровным тоном — без нажима и без смягчения.

СМЕРТЬ: Что ж, ты говоришь, что делаешь его субъектом. Но субъект — это тот, кто является источником действия, а источник его действия — не он, а те, кто ваял его с самого начала. Я вижу это каждый день. Тысячи тел проходят сквозь меня и в каждом — чужие отпечатки: отцов, матерей, учителей, их страхов, вложенные целой эпохой. Редко мелькнёт что-то, что не было заранее запрограммировано. Может, одно на мириады.

В этот момент раздался другой звук — короткий, звонкий, как осколок стекла на бетонном полу, хрустнувший под подошвой.

БЕССМЫСЛЕННОСТЬ: Мириады... Сколько же это в пересчёте на трупы? Он всё равно не узнает ни одного из них. У него сейчас другие заботы, точнее, уже никаких вскоре и не будет.

Голос был как оскал — даже когда произносил ровные фразы.

Никто к нему не повернулся. Но пространство будто сузилось, словно за общим столом занял место ещё один невидимый участник.

СМЕРТЬ: Вот и ты. Правда, не думаю, что с тобой нам есть о чём побеседовать. Подожди своей очереди, пожалуйста.

Бессмысленность коротко усмехнулась.

БЕССМЫСЛЕННОСТЬ: А у нас тут запись по талонам? Мы обсуждаем свободу воли над телом, которому, чтобы повернуться боком, нужна чужое прикосновение. Говорим о том, кто здесь субъект, пока ему в вену по методичке гонят химикаты, как садовод, пытающийся спасти растение таким нехитрым образом, надеясь в дальнейшем получить плоды. Только в его случае плодов особо не было и при жизни. Что ж, это забавно. Продолжайте.

Смерть не стала реагировать на неё, сохранив сухую уверенность в голосе.

СМЕРТЬ: Ты всё время хочешь быть первой причиной, дорогая Свобода. Но первый сдвиг давно растворился в цепочке. Есть условия и то, что из них выросло. Человек оглядывается на эту цепь и шепчет: «и всё-таки...». Его шёпот — тоже одно из следствий.

Свобода держала темп — в словах чувствовалось напряжение мышц, которые не давали расслабиться.

СВОБОДА: Его шаг может выбиться из шаблона. Он может воткнуть палец в эту зубчатую передачу. Сказать «нет» там, где на него поставили «да». Или принять то, чего от него не ждали. Этот ход ничем не обязан прошлым инструкциям.

Кардиомонитор на долю секунды замолчал. Один зубец ритма провалился. Тишина, слишком короткая для паузы, но уже заметная для слуха. Потом писк вернулся — чуть реже. Как человек, который оступился, продолжил идти, но шаг стал тяжелее.

Свобода сменила траекторию мысли, словно прежняя фраза сгорела в этом сбое.

СВОБОДА: Да, воспитанный в покорности выбирает покорность, бунтарь — бунтарство, жертва — повторение личной травмы. Цепь есть. Я не спорю. Я против идеи, что на этом описание человека заканчивается.

СМЕРТЬ: Есть что добавить к этому описанию?

СВОБОДА: И всё же я видела, как человек, утративший всё — тело, будущее, надежду, — решал, с какой стороны открывать завесу своей кончины и как её лицезреть. Это то единственное, что никто не имеет права у него отбирать.

Голос не потеплел и не ожесточился. В нём не появилось новых оттенков, от этого смысл прозвучал особенно жёстко.

СМЕРТЬ: Всю жизнь он повторял себе «я свободен» и этой мантрой прикрывал нежелание разбираться, почему делает одно и не делает другого. Превратил свободу в ширму, за которой можно не видеть собственных повторов. Ты помогала держать эту ширму ровно.

Свобода умолкла. Пауза тянулась, но внутри неё не было ничего — скорее, напряжение, доведённое до предела и замороженное во времени.

Холод же вокруг не изменился, но в нём появилась масса — как у айсберга, не столько холодного, сколько гнетищего.

СМЕРТЬ: Я видел подобное много раз. У человека отнимают почти всё. Он нащупывает внутри последнюю площадку, на которую нельзя наступить снаружи, и называет её свободой. Знала одного раба, жившего когда-то давно во Фригии, которому хозяин сломал ногу ради прихоти. Но он лишь спокойно наблюдал. Считал: нога — не я, боль — не я. Способ отнестись к этому — вот это уже моё. Неважно, было ли это прозрением или последним способом удержать себя от краха. Эти вещи растут из одного корня. Спокойствие, которое он выстроил, выросло на той же почве, что и покорность, только по другим линиям. Интересно другое: он действительно выбирал этот стоический способ выживания? Или просто не знал других?

Огонь крыльев Свободы стал тише. Жар не пропал, просто перестал быть фейерверком и превратился в тление.

СВОБОДА: Ни один человек не выбирает первые оковы. Ни один младенец не выбирает первую фигуру, которая его контролирует. Каркас собирается без его участия. Но наступает момент, когда он смотрит на этот каркас как на нечто отдельное. Видит своё «надо», видит

чужие слова, которые в нём поселили. Этот взгляд не заложен в самом каркасе. В этом видении он встаёт поперёк него.

БЕССМЫСЛЕННОСТЬ: Забавно. Забавно, что вы поднимаете вопрос о его аутентичности, в то время как сам он сейчас — даже не отражение. Точка без имени, без привычек, без вкусов. Вы защищаете свободу фигуры, которая уже стёрта. Прекрасное занятие, интеллектуальная игра для избранных. Я бы это продала как экспериментальный театр, жаль вы обходитесь без зрителей. Но знаете, если серьёзно вернуться к теме цепочек, то любая из них, из таких «почему» заканчивается обрывом: допустим, он любит детей — но почему? Потому что они его. Почему это важно? Потому что чувствует. Почему чувство что-то значит? И тут наступает тишина, он просто втыкает флаг и говорит: «вот он, мой смысл» — лишь потому, что устал копать. Если мы решили так мило включить в дискурс античность, я назвала бы это скептическим диаллелом: доказательство, которое опирается на то, что само требует доказательства. А я — его воздержание. Пауза перед ответом, которая будет длиться вечность.

СВОБОДА: Ты не видишь того, что происходит, когда человек встречает конец лично, когда всё, что казалось фундаментальным, отнято. Остаётся последний акт — выбор того, как принять невозможное. Принять то, что сам он и есть основание.

БЕССМЫСЛЕННОСТЬ: «Основание, которое само себя обосновывает» — это либо догма, либо круг. Ты выбираешь круг и называешь его достоинством. Меня это забавляет ещё больше.

Над кроватью зашуришали халаты.

— Давление сорок на семьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.